

В. П. Берков (Санкт-Петербург)

БЕЛОЕ ПЯТНО СКАНДИНАВИСТИКИ

(Фарерские острова)

В мире немного людей, имеющих представление об интереснейшем мире — миниатюрных Фарерских («Овечьих») островах, затерявшихся в Атлантическом океане примерно на равном расстоянии от Шотландии, Норвегии и Исландии. И хотя на этих островах говорят на совершенно самостоятельном скандинавском языке — фарерском, даже для большинства скандинавистов они *terra incognita*.

Автору этих строк посчастливилось побывать — очень недолго — на Фарерах, и своеобразный мир островов произвел на него такое сильное впечатление, что он счел нужным рассказать об этом крохотном районе Большой Скандинавии.

Создавая Фарерские острова, Творец, похоже, не рассчитывал, что на них когда-нибудь будут жить люди. Во всяком случае, ни молочных рек, ни кисельных берегов там нет.

Всего насчитывается два десятка Фарерских островов, а заселены из них 17. Общая их площадь очень мала — чуть меньше 1400 км². От крайней северной точки островов до самой южной всего-навсего 113 км, а с запада на восток и того меньше — 75 км. Из любого места до океана не более 5 км. Средняя высота над уровнем моря 300 м, высшая точка — гора Слэттаратиндур — 882 м.

Климат — типичный морской: средняя температура в июле всего 11°, а в январе +3° С — благодаря Гольфстриму здесь значительно теплее, чем в других местах, расположенных на этой же широте. Море никогда не замерзает, и даже внутренние части фьордов покрываются льдом лишь в особенно холодные зимы. До 280 дней в году — осадки, а выпадает их 1500 мм (для сравнения — почти в два раза больше, чем в С.-Петербурге). Снег бывает, но держится, как правило, лишь несколько дней.

Ветер дует здесь постоянно и порой достигает такой силы, что срывает крыши с домов, опрокидывает машины и лодки, катит валуны и сдувает людей в море.

То и дело острова окутываются густыми туманами.

Море часто и подолгу штормит. В былые дни, случалось, переправятся люди на лодке на соседний остров и застрянут там из-за бушующего моря на несколько дней, а то и недель.

Такие прибои, как на Фарерских островах, мало где можно увидеть.

В туристских проспектах на английском языке Фарерские острова из-за непредсказуемости погоды называют «The Islands of May-be» — «Островами Может Быть». Погода меняется много раз на дню. Только что светило яркое солнце, но вот уже хлещет ливень. На одном берегу острова густая пелена тумана, другой залит солнцем. Фарерцы сами говорят, что в один день здесь бывают все времена года.

Значительную часть территории островов занимают горы, и жить людям не слишком просторно. Горы порой так круто обрываются к морю, что между скальным отвесом и водой нет даже узенькой полоски земли. К некоторым хуторам люди веками карабкались от причалов по крутейшим горным тропам.

Естественных лесов нет. Но есть болота.

В этом климате и на этих почвах вырастают только кормовые культуры да ячмень и картофель. Но травы вдоволь, и овцы пасутся круглый год.

За исключением небольшого угольного месторождения, полезных ископаемых на островах нет.

Лишь недавно между некоторыми островами появились мосты или насыпные дороги. С остальными связь, как и в древности, возможна только по воде — в наши дни паромами. В последние годы, правда, еще и вертолетом.

До ближайшей страны несколько сотен километров.

И живут на забытых Богом Фарерских островах 45 тысяч человек.

Как же случилось, что люди поселились на этой не слишком привлекательной земле и живут здесь уже без малого двенадцать веков?

Тысячелетиями Фарерские острова вообще не были заселены. Лишь с середины VII в. кое-где по берегам стали селиться ирландские отшельники-монахи, обретавшие здесь желанное уединение для молитв.

Но вот настала эпоха викингов. Викинги, как известно, занимались не только разбоем и торговлей, они также осваивали новые земли и селились на них. В начале IX в. выходцы из Норвегии высадились на Фарерских островах.

С самого начала основным занятием населения было овцеводство, отсюда и название островов — «Овечьи». Однако площадь пастбищ была (да и остается) ограниченной. Число жителей мало-помалу росло, и появилась необходимость регулировать поголовье овец. «Овечья грамота» 1298 г. определила границы пастбищ и установила предельное количество овец, которых можно держать на островах, —

70 тысяч. Характерно, что это ограничение соблюдается по сей день, вот уже более семи веков. В наше время фарерцы сами ввозят эту свою любимую баранину: более 70 тысяч овец островам не прокормить без ущерба для природы. Зато эрозии почвы, этого бича многих стран, где развито овцеводство, на островах нет.

До сих пор овец забивают в определенное время, осенью. Так получилось, что автор этих строк читал лекцию в Фарерском университете (об университете речь впереди) как раз в день массового забоя овец. Накануне один филолог, главный редактор лингвистического журнала на фарерском языке (есть здесь и такой научный орган; с 1991 г. вышло более 20 номеров), высказал опасение, что может не попасть на лекцию, так как будет резать овец. Однако, видимо, приналег, потому что на лекцию пришел.

Шерсть и вязаные изделия веками были важнейшей статьей экспорта островов.

Другим промыслом фарерцев испокон веку было рыболовство. Еще совсем недавно лов велся в открытых лодках с четырьмя или восемью гребцами. Сколько рыбаков нашло свою смерть в холодных водах Атлантического океана, не знает никто. (До самого недавнего времени — пока на островах не появились плавательные бассейны¹ — фарерцы не умели плавать: слишком холодна вода в океане. Поэтому если лодка переворачивалась, то обычно все гибли.) Широкие масштабы рыболовство приобрело лишь в XIX в. В наши дни фарерцы экспортируют рыбу — особенно мороженую, а также выведенного в садках лосося. Рыболовство и рыбопереработка стали ведущей отраслью фарерской экономики.

В описаниях Фарерских островов непременно рассказывается о специфическом местном промысле — охоте на гринду. Не будем отступать от этой традиции.

Гринда — это вид дельфина (фарерцы называют ее китом), который водится в Северной Атлантике. Отдельные экземпляры достигают восьми метров в длину и весят до двух тонн. Стада гринды, насчитывающие более сотни особей, регулярно заходят в фарерские фьорды.

Мясо гринды считается на Фарерских островах ценным пищевым продуктом. Долгое время оно было важным элементом питания фарерцев. Его ели в свежем виде, соленым или сушеным. Вообще до недавнего времени небогатые фарерцы питались в основном мясом и салом гринды, рыбой, засоленными или вареными морскими птицами (о них чуть позже) и ячменной кашей. Жили при таком рационе долго.

Проходит охота на гринду так.

Первый, увидевший стадо, обычно случайно, сразу же сообщает об этом соседям, тем другим и т. д. Известие о гринде — «гриндабоð» (grindaboð)² — мгновенно разносится по округе, и все устремляются к месту нахождения стада. Среди множества лодок выделяется несколько с фарерским флагом: это лодки руководителей охоты, изби-

раемых из числа особенно опытных промысловиков. Каждый из них по окончании охоты получит по целой гринде. А первый, кто заметил стадо, награждается головой самого крупного животного.

Главная задача — загнать стадо на мелкое место, где животных можно перебить. Народ опытный, руководителей охоты все понимают с полуслова, действуют слаженно и четко. Гринду пугают — забрасывают камнями, и стадо наконец оказывается на мелководье. Лодки образуют двойную цепь в сотне-другой метров от берега.

Раздается команда: «Стинджи нюу!» (А теперь колите!), и начинается охота — умерщвление десятков животных. Стадо охватывает паника, некоторые гринды, обезумев от ужаса, устремляются к берегу. Охотники сначала бьют их гарпунами, потом выпрыгивают из лодок и, стоя в резиновых сапогах в гуще стада, наносят животным быстрый удар ножом в позвоночник в области затылка. Вода во фьорде окрашивается в темно-красный цвет. Зрелище, мягко говоря, впечатляющее.

Тела забитых гринд зацепляют специальными крюками и вытягивают на берег. Затем охотники проходят вдоль лежащих туш, вспарывают им брюхо, извлекают внутренности, вырезая из них печень и почки: это у фарерцев особое лакомство и каждый участник охоты может получить свою долю.

Теперь мужчины, участвовавшие в охоте и насквозь промокшие в холодной воде, исполняют «танец гринды». Наблюдавшие за ними на берегу женщины и дети расходятся по домам. Женщины начинают готовить еду.

А на берегу приступают к замеру туш. Два человека измеряют каждую из них с помощью деревянного шеста и таким способом определяют ее массу в «шиннах» (примерно 10 килограммов): иначе вес огромной гринды не установить. Затем на каждой туше вырезают номер и вес.

Тем временем руководители охоты начинают подготовку к распределению добычи. По незыблемым древним фарерским правилам, действующим до сих пор, каждый житель острова (или островов, если забой проходил в проливе) получает свою долю; при этом не важно, участвовал ли он лично в охоте или нет. Мясо получают все, включая грудных младенцев, — несколько тысяч человек. Какое-то количество туш отдается в качестве компенсации тем, кому гринды повредили лодку или кто потерял оружие лова. Выделяется мясо и «неизвестным людям» — посторонним, оказавшимся в этот момент на берегу.

Такое распределение, своего рода первобытный коммунизм, свидетельствует о том, как были развиты в древнем обществе чувство социальной справедливости и забота о каждом его члене.

Ежегодно на Фарерских островах забивается в среднем 800–900 гринд. Правда, бывали и «безгриндные годы». Всего за последние лет триста добыто около четверти миллиона гринд.

Нигде, кроме Фарер, охота на гринду не ведется.

Признаюсь откровенно, что за время моего короткого пребывания на Фарерских островах самому мне охоту на гринду видеть не довелось. Написанное выше составлено на основании нескольких чужих описаний (кстати, совпадавших практически во всех деталях). Ничего своего я, естественно, не добавлял. Когда первый вариант очерка был написан, я попросил знакомого фарерца, хорошо владеющего русским языком, просмотреть его, дабы свести к минимуму количество «развесистой клюквы». Джонни Томсен очень внимательно прочитал очерк и сделал ряд ценных замечаний, которые я полностью учел безо всяких возражений. Пользуюсь случаем, чтобы выразить ему сердечную благодарность.

Что касается его подробных комментариев к моему пассажиру об охоте на гринду, то они настолько интересны и поучительны, что я позволю себе привести их полностью:

Твое описание охоты на гринду больше не соответствует действительности. Копья или гарпуны, о которых ты пишешь, были запрещены лет двадцать назад. В то время когда еще пользовались гарпунами, охота на гринду, если животных не удавалось загнать на берег (мы, фарерцы, говорим, что они «вышли на берег»), действительно была делом жестоким и кровавым. Теперь же гринду разрешается убивать только ножом. Идеальная ситуация — это когда стадо «выходит на берег». Тогда сотню гринд приканчивают за несколько минут. Допускаю, что иностранцам зрелище представляется «жутким». Однако это объясняется отчасти тем, что городские жители подзабыли, как выглядит забой скота и что курица, которую они едят, тоже когда-то была живой, а отчасти тем, что гринда очень крупное животное и из нее вытекает много крови. Но если свинью забивать в ванне, то крови тоже будет предостаточно.

К сожалению, должен тебя разочаровать. Рассказ об идущем из глубины веков справедливом распределении гринд — миф. Но это миф, который сами фарерцы любят рассказывать и в который сами верят. В действительности же распределение мяса и сала гринды до 30-х гг. XIX в. было в высшей степени несправедливым. Львиная доля отходила крестьянам, обладавшим правом пользования тем участком берега, где стадо было забито, и датской короне, так что на долю простых людей приходились лишь остатки. «Примитивно-коммунистическое» распределение было введено королевским указом где-то в 1830-е гг.

Поедание печени и почек гринды, увы, отошло в область преданий. Загрязнение окружающей среды затронуло и гринду: в ее печени и почках теперь так много ртути и прочей пакости, что есть их категорически не рекомендуется. Да и в мясе гринды, а в особенности в сале, ныне содержится ртуть, так что употреблять их советуют не чаще, чем один раз в месяц. А беременным вообще не следует есть сало гринды...

Следует описать еще одно занятие фарерцев, тоже насчитывающее не один век. На островах водятся миллионы птиц — крачек, чаек, тупиков, кайр, гагарок, буравестников, куликов-сорок, кроншнепов, поморников, золотистых ржанок и др. Гнездятся многие из них на уступах отвесных скальных стен, порой высотой в несколько сотен метров. На этих птичьих базарах фарерцы веками ловят птиц (прежде всего тупиков и кайр), собирают яйца и пух.

Делается это следующим образом. Сборщик-ловец (а иногда и сборщица!) обвязывается толстой веревкой, точнее канатом, и 4—5 крепких мужиков вытравливают этот канат, спуская сборщика по отвесу. В давние времена использовались, естественно, не современные легкие альпинистские веревки, а тяжеленные канаты. Тот, кто ловит птиц особым сачком (ручка у него 3—4 метра) или собирает яйца и пух, должен быть недюжинным скалолазом. Складываются трофеи в специальный четырехугольный деревянный короб за спиной; широкая тесьма от него надевается на лоб. Птицелов должен не бояться высоты, быть сильным и ловким и, конечно, обладать особыми навыками и знаниями.

К птичьим базарам можно подобраться и снизу, но чаще спускаются на веревке. Оба способа одинаково рискованны, и множеству людей этот промысел стоил жизни. Основная опасность — камни, сбиваемые веревкой или падающие сами по себе.

Спустившись на подходящий уступ, ловец-сборщик освобождается от веревки (!), закрепляет ее за выступ и остается, таким образом, на скальной полке над пропастью безо всякой страховки. Орудуя тяжелым сачком, он ловит пролетающих птиц, собирает яйца и пух. Утверждают, что опытному ловцу удастся поймать за день до тысячи (!) птиц. Под скальной стеной часто находится лодка, и добытых птиц просто сбрасывают в море. Если лодки нет, ловца-сборщика и трофеи вытаскивают наверх.

Некоторые птицы — чайки, крачки, клуши — нападают на человека, защищая яйца и птенцов.

Случается, что ловец срывается. Это верная гибель.

Но даже при благоприятном раскладе работа на скальной стене очень тяжела и малопривлекательна. К середине дня скала сильно нагревается, и человек страдает от невыносимой жары. Ноги скользят в толстом слое пахучих экскрементов. Птичьи паразиты с удовольствием перебираются с хозяина на перемазанного пометом человека.

Птичье мясо и яйца испокон веку разнообразили фарерский стол, а пух использовался в хозяйстве.

Сейчас птичий промысел постепенно отходит в прошлое, но полностью не прекратился. Профессор Йоухан Хендрик Винтер Поульсен, один из ведущих лингвистов Фарерских островов, подробно рассказывал мне, как в молодости занимался этим небезопасным делом.

Фарерцев всегда было очень мало. В самом начале XIX в. их насчитывалось всего пять с небольшим тысяч. Но уже через сто лет население островов почти утроилось, а за XX в. еще раз утроилось.

Основная часть — приблизительно две трети — фарерцев живет примерно в 80 небольших селениях, рассеянных по островам. Немало и совсем крошечных, где проживает несколько десятков человек. А на острове Кольтур живет всего одна семья. Самый крупный населенный пункт — это, разумеется, столица Торсхавн (в фарерском

произношении Тоушхаун) с ее 15 500 жителей. На втором месте Клаксвуйк (4500 человек).

* * *

Итак, фарерцев насчитывается 45 тысяч человек и живут они на площади в 1400 км². Плотность населения составляет 32 человека на квадратный километр, однако это, как в очень многих странах, только в среднем. Места, где люди не живут и, видимо, никогда жить не смогут, — крутые горы, части островов без прибрежной полосы, каменистые пустоши, болота и т. д., составляют львиную долю территории.

За пределами архипелага проживает примерно 5 000 фарерцев.

Административно Фарерские острова входят в состав Дании, но с 1948 г. пользуются очень широкой автономией.

Уже упоминалось, что Фарерские острова были заселены в первой половине IX в. выходцами из Норвегии. Язык современных фарерцев — это результат развития древнорвежского, точнее древнескандинавского (в ту пору все скандинавы говорили еще на одном языке), языка в условиях изоляции. За 12 веков язык существенно изменился, и теперь фарерский — совершенно самостоятельный скандинавский язык, непонятный ни норвежцам, ни датчанам, ни шведам. Исландцы, ближайшие соседи фарерцев, устную фарерскую речь понимают неважно или вовсе не понимают, равно как и фарерцы — исландскую.

Жители больших стран редко задумываются над некоторыми проблемами малых народов.

Несколько примеров. Если в России средний тираж понравившегося читателям романа, скажем, 200 тысяч, то, учитывая, что фарерцев меньше, чем россиян, примерно в три тысячи раз, на Фарерах подобный роман следовало было бы издать тиражом в... 66 экземпляров. Российскому тиражу газеты в 300 тысяч на Фарерских островах пропорционально должен был бы соответствовать тираж в 100 экземпляров. Нет необходимости говорить о том, как сложно и дорого организовать телевидение для 45 тысяч человек, к тому же живущих на 17 островах, чаще всего в крохотных поселках под горами, препятствующими распространению радиоволн.

Между тем приведенные выше гипотетические цифры тиражей совсем не соответствуют реальности. В столице издается пять газет. Самая крупная — «Диммалаттинг» («Рассвет») — выходит пять раз в неделю, и тираж у нее 11 тысяч (!); вторая по распространенности газета «Сосиалурин» (ставшее официальным народное название, которое можно перевести примерно как «Социал») тоже выходит пять раз в неделю тиражом 7 тысяч экземпляров. Стало быть, почти каждая фарерская семья выписывает обе эти газеты. А кроме них издаются и «Оджатуйинди» («Островные вести»), и еще две газеты поменьше плюс две местные.

Регулярные радиопередачи ведутся уже без малого полвека — с 1957 г. Вещание — десять часов в сутки — только по-фарерски.

Государственное телевидение («Шоунварп Фёрья», Телевидение Фарерских островов) существует с 1984 г. Передачи идут шесть дней в неделю.

Фарерцы очень много читают.

До сравнительно недавнего времени художественная литература на фарерском языке была представлена очень скромным числом авторов. Показательно, что самые значительные фарерские писатели писали на языке метрополии — по-датски. Так, по-датски написаны замечательный роман Ергена-Франца Якобсена (1900–1938) «Бáрбара» (опубликован в 1939 г.; недавно он был превосходно экранизирован) и широко известные романы Виллиама Хайнесена (1900–1991), лучшие из которых («Черный котел», «Пропавшие музыканты») переведены на многие языки, в том числе и на русский. Вместе с тем не менее показательно, что нынешние писатели пишут по-фарерски, хотя прекрасно владеют датским: все фарерцы двуязычны. Это, как нетрудно понять, вопрос принципа. В частности, виднейший современный писатель Энс Паули Хайнесен, племянник Виллиама Хайнесена, пишет по-фарерски³.

Появилась даже своя фарерская детективная литература. На фарерский язык переведены важнейшие произведения мировой литературы, например «Илиада», «Калевала», произведения Шекспира, Вольтера, Достоевского, некоторых современных авторов, например Камю и Ануя. В год сейчас выпускается более ста (!) названий книг на фарерском языке (в 1990 г. — 161 название). Показательно, что переведены и написанные по-датски произведения Ё.-Ф. Якобсена и В. Хайнесена.

Всего на фарерском языке издано более 4000 названий книг, из них 75% после 1975 г.

Письменная литературная традиция на фарерском языке совсем молода: первый роман — «Вавилонская башня» Расмуса Расмуссена⁴, писавшего под псевдонимом Рейин уй Луи, вышел в 1909 г., меньше века назад.

Зато богатая устная фарерская литературная традиция, напротив, восходит к Средним векам. Это специфическая форма народного творчества, народная баллада («квеайи» по-фарерски), жанр до сих пор крайне популярный на островах. До наших дней дошло огромное количество баллад — записано 70 тысяч стихотворных строк. И это при том, что, несомненно, многое утрачено.

Фарерская народная баллада — синтетический вид искусства, в котором объединены три элемента: стихи, музыка и танец. Исполнение фарерских баллад выглядит следующим образом.

Выходит вперед запевала (шипар) и поет первую строфу баллады. Его берет за руку один из участников танца, того — следующий

и т. д. Поначалу они образуют цепь и двигаются боком, потом круг замыкается и получается танцующий хоровод. Или два хоровода — один внутри другого. Припев поют все танцующие. Обычно они одеты в национальные костюмы.

Никакого музыкального сопровождения не бывает.

Некоторые баллады состоят из сотен строф.

Запевала одновременно и хормейстер, и балетмейстер. От его искусства зависит темпераментность и проникновенность исполнения баллады участниками. Искусный запевала помнит огромное количество баллад. Помимо прекрасной памяти и отменного музыкального слуха он должен обладать чистым, громким голосом и чувством ритма. К тому же запевале необходимо быть человеком физически крепким: нагрузка на него огромная.

Танец и пение составляют единое гармоническое целое, участники попереживают содержание. Рассказывают, что при исполнении баллад с трагическим содержанием, бывало, слезы катились по лицам как исполнителей, так и зрителей.

Ранее неукоснительно соблюдалось следующее правило: одна баллада могла исполняться только один раз в течение года. В этом был свой резон: сохранялось богатство репертуара. Но было и другое следствие: знание текстов не передавалось другим, запевала как бы оставался обладателем и хранителем текста. С одной стороны, при редком исполнении баллада сохраняла свою свежесть и притягательность. С другой — нежелание авторов передавать текст кому-либо приводило к тому, что с их смертью некоторые баллады навсегда утрачивались.

При всей популярности баллад в наши дни народ знает их хуже, и случается, что одна и та же баллада исполняется несколько раз в год.

Жанр фарерской баллады возник, как уже было сказано, еще в Средние века. Полагают, что она зародилась в XIV столетии, а расцвета достигла в XVI–XVII вв. Записывать же баллады стали много позже, начиная с 1770-х гг. (по этим записям гениальный датский языковед Расмус Раск изучал фарерский язык).

Тематика и источники баллад весьма разнообразны. Есть баллады на сюжеты древнескандинавской мифологии, большой цикл основан на сказаниях о Сигурде (по-фарерски «Шуурур»). Многие баллады пересказывают отдельные эпизоды из саг — родовых и королевских. Есть целый цикл о Карле Великом, в частности баллада о битве Роланда в Ронсевальском ущелье. Много баллад с романтическим сюжетом. Сюжеты большого числа баллад взяты из скандинавских волшебных сказок, в них есть великаны, тролли, прекрасные девы, рыцари и т. п. Есть баллады и на евангельские сюжеты — о деве Марии и Христе, о святом Николае и др.

Основное время исполнения «балладных танцев» — между вторым днем Рождества (26 декабря) и Великим постом. Обычно танцы устраиваются в помещении. Желательно, чтобы оно было просторно,

но потолок не должен быть слишком высоким, иначе пение будет недостаточно хорошо слышно. В новое время стали строить специальные дома для балладных танцев.

Особый праздник — День Святого Олафа (по-фарерски Оуласёка, «ночное бдение в память об Олафе», норвежском короле Олафе Святом, павшем в сражении в 1030 г.). Празднование длится два дня — 28–29 июля. День 29 июля — национальный праздник Фарерских островов, в этот день открывается лёгтинг, фарерский парламент (существует со времен заселения). На Оуласёку в Торсхавн съезжается народ со всех островов. В эти дни танцы устраиваются на открытом воздухе.

Празднование Оуласёки открывается в два часа дня. Часом позже начинаются соревнования гребцов на старинных открытых фарерских лодках — копиях лодок эпохи викингов. Балладные танцы длятся всю ночь, с 11 часов вечера и до 4 часов утра. На следующий день, после церковного хода, открытия лёгтинга и различных спортивных мероприятий, танцы возобновляются и заканчиваются лишь утром, нередко часов около шести. Такое исполнение баллад в настоящее время из всех скандинавских народов есть только у фарерцев.

Фарерский язык занимает среди 11 живых германских языков последнее место по количеству говорящих на нем.

Как уже отмечалось, первопоселенцы говорили на древненорвежском языке. Постепенно он изменялся, отдалялся от исходной формы. В первой половине XI в. Фарерские острова подпадают под власть Норвегии, а в XIV в. вместе с Норвегией — под власть Дании. С этого времени датский язык становится на островах языком администрации, а в результате Реформации начиная с 1536 г. — и языком религии. Иными словами, фарерский язык с конца XV в. существовал только как язык устного общения. По этой причине мало известно о том, как он развивался в течение нескольких столетий. Когда в последней трети XVIII в. ученые стали записывать образцы народной речи и баллады, они пользовались каждый своей системой записи, своей транскрипцией. Говоря иначе, фарерской орфографии как таковой не существовало.

Она появилась лишь в 1846 г. Создателем ее стал молодой фарерский теолог В. У. Хаммерсхаймб. В основу орфографии он положил (древне)исландское (оно же древненорвежское) правописание, т. е. его орфография в значительной мере основывалась на историческом принципе — на том, какой вид слова имели много веков назад. Хаммерсхаймб даже ввел одну букву (ð), которая вообще не имеет в фарерском никакого звукового соответствия. Эта орфография используется и по сей день.

Орфография Хаммерсхаймба, таким образом, весьма неточно передает реальное звучание слов³. Даже самим фарерцам отнюдь не просто овладеть этими очень сложными правилами правописания.

Впрочем, у этой орфографии есть две положительные стороны. Хотя фарерцев совсем немного, в их языке имеется ряд диалектных различий. Кроме того, при склонении и спряжении звуковой состав фарерских слов порой существенно изменяется (т. е. у фарерского языка, выражаясь научно, очень сложная морфонология), а неточное хаммерсхаймбовское написание показывает связь разных форм.

Благодаря тому что орфография Хаммерсхаймба основана на (древне)исландской, islandцы относительно легко читают по-фарерски, а фарерцы — по-исландски, хотя, как было сказано, устную речь друг друга понимают плохо или вообще не понимают.

Фарерский язык очень интересен.

Весьма своеобразна его фонетика: в ней нет некоторых общераспространенных фонем, но, напротив, есть ряд звуков, отсутствующих в других скандинавских языках. Так, в исконных фарерских (т. е. не заимствованных из датского) словах нет фонемы /a:/, вместо нее выступает дифтонг /ɛa/, ср. *maður* /meavur/ «человек». Характерно следующее соотношение: если гласный по условиям окружения должен быть долгим, то он имеет одно качество, при сокращении (например, при склонении или спряжении) — другое. Добавляющиеся к этому живые чередования делают некоторые парадигмы весьма причудливыми, ср. им. п. прилагательного «низкий»: ед. ч. м. р. *lágur* [lɔavur], ж. р. *lág* [lɔa], ср. р. *lágð* [lɔkt], мн. ч. соответственно: *lágir* [lɔajir], *lágur* [lɔavar], *lág* [lɔa]. Ср. далее *fólk* [fœlk] «народ» (глухое l) — *fólkið* [fœlci] то же с опред. артиклем (глухое палатализованное l), *sjógvur* [šɛgvur] «море» — *sjóvar* [šɔuvar] то же в род. п. ед. ч. Есть в фарерском чуждая другим скандинавским языкам аффриката *ǰ* и др.

По богатству морфологии фарерский язык занимает среди скандинавских второе место — после islandского.

У существительного три грамматических рода, четыре падежа и много типов склонения. Впрочем, на фоне скандинавских языков падежная система своеобразна: употребительны именительный, дательный и винительный, тогда как родительный характерен только для письменного стиля; любопытно при этом, что определяющее существительное может употребляться как постпозитивно (как в islandском), так и препозитивно (как в прочих скандинавских языках).

Глагол изменяется по лицам (только в ед. ч.) и числам.

Характерно, что названия десятков заимствованы из датского: 50 — *halvtrýss*, 60 — *trýss*, 70 — *halvfjerds* и т. д.

Главная проблема современного фарерского языка лежит в области лексики. Он получил статус официального лишь в 1948 г. До этого таким статусом обладал, как мы знаем, датский. До сих пор на старшей ступени обучения используются датские учебники. Неудивительно, что для многих современных понятий в фарерском языке просто не было и нет обозначений. В этих случаях прибегали (и прибегают) к данизмам, датским словам.

Многие фарерские филологи выступают за очищение родного языка от данизмов. Звучит лозунг «за чистоту родного языка», конечно, красиво и патриотично. Какова же действительность?

Дело в том, что во многих случаях датское название (разумеется, слегка измененное в соответствии с фарерским произношением и фарерской грамматикой) для рядового жителя островов вполне естественно и привычно. Более того, ему нередко просто неизвестно или даже непонятно иное — фарерское — обозначение. Это можно проиллюстрировать одним курьезным примером. Автору данного очерка несколько лет назад попался на глаза томик избранных сочинений Ленина в переводе на фарерский. Переводчик старательно использовал фарерские слова (видимо, им самим придуманные) для обозначения таких понятий, как «империализм», «эксплуатация», «производственные отношения», «диктатура пролетариата» и т. п. Однако, отдавая себе отчет в том, что эти новые термины рядовому фарерцу, скорее всего, будут непонятны, он поместил в конце книжки список этих терминов с датскими (!) переводами.

Создавая новые слова, фарерцы широко используют богатый опыт исландцев, давно и успешно охраняющих свой язык от иноязычного влияния. Кое-кто даже считает, что исландское влияние чрезмерно.

Недавно фарерские филологи издали первый в истории островов толковый словарь. Это очень солидный (без малого 1500 страниц) и хороший словарь. Свою задачу составители видели, естественно, в первую очередь в том, чтобы описать богатый словарный состав фарерского языка, но также и в том, чтобы предложить ряд новых слов, призванных заменить распространенные данизмы. Некоторые из этих новых слов ранее вообще никогда не употреблялись. Правда, как отметил один рецензент, авторы чересчур увлеклись такими новыми словами.

Рецензент этот заслуживает небольшого рассказа. Мой добрый знакомый Джонни Томсен (он уже упоминался выше) превосходно знает русский язык: он учился в Советском Союзе и к тому же женат на русской. Томсен составил очень хороший краткий русско-фарерский словарь (сейчас он его расширяет) и работает над фарерско-русским. Служит он в Фарерском пароходстве.

Рецензия, о которой идет речь, написана им по-русски и опубликована в России. Смысл ее таков. Существуют два варианта фарерского языка: неофициальный (Томсен называет его устным) и официальный (письменный и зачитывание текстов, например, на радио и телевидении). В устном варианте множество данизмов, тогда как в официальном их стараются избегать. По мнению Томсена, в названном толковом словаре единицы второго варианта, порой просто неупотребительные, следовало бы каким-то образом отграничить от единиц обычного разговорного языка.

Фарерцы целеустремленно создают свою собственную терминологию. Так, в недавно выпущенной брошюре «Некоторые слова

по ЭВМ» (кстати, это второе издание) предложено около 800 слов и словосочетаний.

Создание новых слов — занятие непростое. Слово, которому предстоит либо стать обозначением понятия, до того не имевшего наименования, либо прийти на смену иноязычному, уже прижившемуся в языке, должно быть и понятным, и естественным, и кратким, и благозвучным.

Расскажем об одном таком создателе новых слов. Он уже упоминался выше, но в совершенно другой связи — в рассказе о спуске по скальным стенам к местам гнездовий птиц. Профессор Йоухан Хендрик Винтер Поульсен, главный редактор упомянутого толкового словаря, живет в крохотном селеньице Чирчубёвур (некогда религиозном и культурном центре островов). Это в 14 километрах от Торсхавна, и профессор ездит в университет по горной дороге на велосипеде. По пути он, по его рассказам, крутя педали, придумывает новые фарерские слова — для новых понятий или для старых, но обозначаемых по-датски. Вдоль дороги лежит множество больших камней, и, по словам профессора, он помнит, у какого камня какое новое слово его осенило.

Разумеется, фарерские филологи заняты не только придумыванием новых слов. Старинный, вековой уклад жизни стремительно меняется, и то, что еще несколько десятилетий было живо, уходит, становится достоянием истории. Все это необходимо зафиксировать сегодня, ибо завтра уже может оказаться поздно. Одной из таких уходящих в прошлое сторон фарерской жизни является спуск к местам гнездовий птиц. Для четкой и безопасной работы на скальных стенах высотой в несколько сот метров надо было в мельчайших деталях знать эти стены, отчего у элементов их были свои названия. Авинд Вёйе, декан факультета фарерской филологии университета, показывал, как ведется работа по установлению этих названий. На больших листах в красках изображены такие скальные стены — птичьи базары, и на основании опроса знающих людей на рисунки наносятся названия деталей микрорельефа — полок, трещин, выступов, уступов, расселин и т. д.

Как известно, количество языков на земле неуклонно сокращается. В первую очередь, естественно, исчезают языки малых народов. В мрачных прогнозах на сей счет нет недостатка. Так, по одному из них к середине XXI столетия мертвыми станет половина всех языков, на которых сейчас говорят на земном шаре. Немало языков уже безвозвратно ушло в прошлое.

Но, как мы видим, такие предсказания не учитывают одного фактора, который в наше время становится все более существенным. Этот фактор — сознательное стремление народа сохранить и развить свой родной язык.

Конечно, судьба языков малочисленных народов драматична. Самой историей они обречены на двуязычие. Когда небольшой народ

проживает на территории страны с иным государственным языком, знание этого основного языка является необходимым условием социального прогресса как всего этого народа, так и отдельных его представителей. Саами, живущий на севере Норвегии, но не владеющий норвежским языком, увы, не станет ни врачом, ни инженером. То же относится и к странам с единственным национальным языком, но малонаселенным, например Исландии. Исландцу, не знающему ни одного иностранного языка (впрочем, едва ли такие есть), не стать ни архитектором, ни геологом.

Пример Фарерских островов в отношении языка очень поучителен. За исторически короткий срок он развился из языка устного, бытового общения в литературный язык, успешно обслуживающий все сферы современного развитого общества.

Заслуживает рассказа уже неоднократно упоминавшийся Фарерский университет. Официальное его название — Центр научных знаний Фарерских островов. Он был основан в 1965 г. и первоначально состоял только из одного факультета — фарерской филологии. Спустя семь лет был открыт естественно-научный факультет. В 1978 г. к этим двум факультетам добавился теологический, который с 1986 г. входил в историко-социологический факультет. В настоящее время теологическая специализация закрыта.

Университет, разумеется, невелик. В нем всего 15 штатных преподавателей и примерно 70 студентов, т. е. по величине он сопоставим с кафедрой среднего европейского университета. Но следует иметь в виду, что большая часть молодых фарерцев, желающих получить высшее образование, учится в университетах Дании и других стран. Фарерским островам с их немногочисленным населением просто не под силу организовать преподавание по тем специальностям, потребность в которых невысока.

Университет — не только учебное заведение, но и исследовательский центр.

В Торсхавне есть несколько музеев. Прямо напротив университета находится Естественно-исторический музей. Очень хорошее представление о жизни на Фарерских островах на протяжении веков дает Исторический музей. В Художественном музее, красиво расположенном в городском парке, собраны произведения старинного и современного фарерского изобразительного искусства, в частности работы самого известного художника островов С. Й. Мичинеса (1906–1979). Есть и художественные галереи.

За пределами столицы находится около десятка небольших музеев. Часть из них — старинные крестьянские дворы. Эти старинные постройки тщательно сохраняются. У них своеобразный вид. Как правило, это одноэтажные дома с просмоленными и потому черными стенами. На крыше растет трава. Таких домов немало и в самом Торсхавне.

Естественно, есть в столице и Национальная библиотека. Она размещается в красивом ультрасовременном здании.

Особо надо упомянуть Северный Дом — центр скандинавской культуры. Здесь проводятся различные мероприятия — выступления приезжих деятелей культуры, выставки и др. Здание это считается шедевром современной архитектуры.

* * *

Первое впечатление от Фарерских островов самое благоприятное. Красивая нетронутая природа. Изумрудно-зеленые склоны там и сям прорезаны синими нитями ручьев. Все, что сотворено руками человека, новое, современное: добротные свежеекрашенные дома, превосходные дороги, туннели⁶, мосты. Современные магазины, гостиницы. Старинные здания отлично отреставрированы. Нарядные поселки с яркими — красными, зелеными — крышами. Напрашивается естественный вывод об экономическом процветании и благополучии.

К сожалению, это не вполне соответствует действительности.

Уже говорилось, что веками основной отраслью фарерской экономики было овцеводство. Но с середины XIX в. главным в жизни островов шаг за шагом становится рыболовство. Постепенно создается большой рыболовецкий флот, и как следствие — усиленно развиваются рыбообрабатывающая промышленность и судостроение. В 1970-е и 1980-е гг. конъюнктура в этом секторе экономики была на редкость благоприятной. Особенно удачен был для островов 1987 г. с рекордным уловом в 390 000 тонн. Фарерцы вкладывают огромные деньги в строительство новых судов, новых дорог, новых жилищ, туннелей и т. д.

Но вскоре Фортуна отворачивается от островитян. Цены на рыбу на мировом рынке падают, права Фарерских островов на лов в чужих территориальных водах значительно урезаются, уловы резко падают⁷. Острова с их однобокой экономикой, ориентированной почти исключительно на рыболовство и рыбообработку (рыба и рыбопродукты составляют 99% экспорта), охватывает жесточайший кризис. Жертвой его становятся не только рыбаки, но и рабочие, занятые в рыбообрабатывающей промышленности, судостроении и строительстве. Одно за другим следуют банкротства. Безработица принимает катастрофические размеры. Наступает экономический коллапс. Около 10% (!) фарерцев эмигрируют, в основном в Данию.

Не стоит задаваться извечным вопросом «Кто виноват?» Многие фарерцы возлагают вину на Датский Банк. Экономисты других стран, да и немало фарерцев считают, что островитяне виноваты сами, вложив колоссальные средства в очень дорогой рыболовецкий флот, неоправданно большой и слишком современный, и в потребление.

Понемногу фарерцы оправляются от кризиса конца 80-х — начала 90-х гг.

Как уже говорилось, Фарерские острова, оставаясь в составе Дании, пользуются с 1948 г. очень широкой автономией. Самоуправле-

ние касается прежде всего внутренней политики, но и во внешнеполитических вопросах, затрагивающих интересы Фарер, острова оказывают значительное влияние на официальную датскую политику. По проблемам, относящимся только к Фарерским островам (т. е. не касающимся самой Дании), они имеют право вести прямые переговоры с другими странами. Самостоятельность фарерской политики проявилась, в частности, в том, что Дания вступила в ЕС, а Фарерские острова в него не вошли. У островов собственный флаг (красный крест в синем окаймлении на белом фоне), фарерский язык — основной. Острова являются членом Северного совета. У них свои банкноты (собственно говоря, это датские банкноты с фарерским текстом; впрочем, датские тоже могут использоваться без ограничений), однако мелочь (монеты) — датская.

Большие надежды возлагаются на то, что у берегов Фарерских островов — маленькой страны с большими возможностями — будут обнаружены запасы нефти.

* * *

Виллиам Хайнесен однажды назвал Фарерские острова песчинкой в бальном зале. И действительно, в богатом и многокрасочном зале Европы Фареры — лишь едва заметная частичка. Но этот крохотный мирок населен народом, который вызывает глубокое уважение.

В залах хотя и небольшого, но превосходного Исторического музея показано, в каких тяжелых условиях веками жил этот маленький народ, и нельзя не восхищаться тем колоссальным рывком, который сделали островитяне за последние десятилетия.

Им есть чем гордиться.

Несмотря на трудную, порой драматическую историю, они сохранились как народ, как целое, сберегли свою уникальную культуру, старинные народные традиции, умело сочетая их в последнее время с новейшими достижениями цивилизации⁸, сумели создать полноценный современный литературный язык.

На долю фарерского народа выпало немало испытаний, но он переносил удары судьбы со спокойным достоинством и мужеством. Чтобы жить на этих островах — скудных, открытых всем ветрам, окруженных холодным и своенравным океаном, в неблагоприятном сыром климате, требовались тяжелый повседневный труд, сплошь и рядом сопряженный с риском для жизни, смелость и твердость духа.

Малочисленность народа позволяла сильным государствам чувствовать себя хозяевами на островах. Фареры всегда зависели от внешней торговли. А она-то как раз была многие века полностью в руках иноземных купцов, которые нещадно грабили островитян — скупали у них по дешевке шерсть и втридорога продавали им жизненно необходимые товары. Особенно тяжелым был период этой торговой монополии в XVII в.

Запоминается в этом музее фотография фарерских рыбаков. Открытая лодка со сравнительно невысокими бортами. Крепкие мужчины в высоких шерстяных шапках (в них клали табак и пр. — это было самое сухое место, одежда промокала насквозь). Хороший шторм, лодка перевернется, и рыбаки, не умеющие плавать, пойдут на дно.

Символическая картина. Представляется, что так же под дамковым мечом истории веками жили фарерцы. Истории не стоило бы больших усилий стереть с лица земли этот крохотный народ.

Фарерские острова — это яркий и своеобразный мир не только многих поколений тружеников, достойно живших в труднейших природных и исторических условиях. Это также мир интереснейшей самобытной культуры, любовно сохраняемой много веков. Мир языка, возрожденного для новой полнокровной жизни.

В скором времени будет решаться важнейший вопрос для Фарерских островов — стать ли им самостоятельным государством или продолжать оставаться в составе Дании. Не исключено, что в недалеком будущем острова станут новым государством на политической карте мира.

Фарерская история приближается к переломному моменту.

Как бы там ни было, верится, что история вознаградит фарерцев за их многовековой труд.

¹ Характерный штрих современности: на островке Хестур (Лошадь) площадью 6 км² живет всего 49 человек, но есть плавательный бассейн.

² В фарерском языке даже существует поговорка: весть разнеслась по всей стране как «гриндабо».

³ Любопытный штрих. Енс Паули Хайнесен — поклонник творчества Исаака Бабеля. Они с женой даже специально ездили в Одессу и бродили по Молдаванке.

⁴ Читатель, наверное, уже обратил внимание на то, что большинство фарерских фамилий оканчиваются на *-сен*. Этот элемент характерен для датских фамилий, и то, что многие фарерцы носят самые распространенные датские фамилии (Хансен, Якобсен, Томсен, Поульсен, Расмуссен и т. д.), — результат датского владычества.

⁵ Всего два примера. Звучанию [туй] «время» соответствует написание *tíð*. Одинаково звучащие слова «погода», «дорога» и «ткань» [вегур] пишутся в соответствии с древним произношением — *veður*, *vegur* и *vevur*.

⁶ Один из этих туннелей имеет в длину более трех километров, 4 — более двух, 5 — более одного километра. Сеть великолепных дорог имеет общую протяженность более 600 километров. Практически в любой из поселков Фарерских островов сейчас можно попасть на машине, автобусе, пароме или вертолете. На изолированных островах или в селениях без дорог проживает менее 1% фарерцев.

⁷ В 1985 г. фарерцы выловили 86 тысяч тонн трески, а в 1995 г. — всего 10 тысяч тонн.

⁸ Говорят, что фарерцы одной ногой стоят в эпохе викингов, другой — в XXI в.